

БОЕВАЯ ХРОНИКА

РОМАНЫ О ПАМЯТНЫХ БОЯХ

**ЕВГЕНИЙ
СУХОВ**

**ОБРЕЧЕННАЯ
ЦИТАДЕЛЬ**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.
С91 Обреченная цитадель / Евгений Сухов. —
Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-180291-2

1944 год. Нацистское командование понимает, что боевых действий на территории Германии уже не избежать. Немецкие инженеры предлагают создать единую цепь укреплений из приграничных городов-замков, пригодных к длительной осаде. В Москве архитектор Михаил Велесов разрабатывает свой план взятия немецких крепостей. Ставка заинтересована в разработках Велесова. Под видом капитана-сапера его направляют к Познани, наиболее укрепленному узлу немецкой обороны. Именно там должна решиться судьба операции. Однако очередное донесение советской разведки заставило серьезно изменить планы предстоящего наступления...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сухов Е., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-180291-2

ЧАСТЬ I

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БЕРЛИН

ГЛАВА I

*Начало мая 1944 года.
Новая стратегия*

Майский воздух был прозрачен и свеж как никогда. Небо — сплошная синева. Именно такую погоду предпочитал Адольф Гитлер, утверждая, что она благотворно действует на его общее состояние.

Пребывая в Оберхофе, рейхсканцлер традиционно после обеда в сопровождении адъютантов и приближенных направлялся к павильону «Моослендеркопф», с лужайки которого открывался прекрасный вид на островерхую гряду гор. Именно там он писал свои этюды, раздаривая их в подарок ближайшему окружению, или мог просто посидеть на террасе, наслаждаясь чашкой черного кофе.

До начала прогулки оставалось пятнадцать минут. В это самое время вся местность вокруг тропы обследовалась сотрудниками СД с собаками на случай возможного проникновения в резиденцию канцлера диверсантов.

Адольф Гитлер не любил менять заведенный распорядок и мог отказаться от прогулки лишь только в том случае, если погода была по-настоящему скверной. Особенно не нравился ему дождь, но вот зато холод, как типичный житель Альп, он переносил легко и даже предпочитал свежий задорный морозец.

Глянув в окно, штурмбаннфюрер СС Линге¹ увидел, что из замка уже вышел бригаденфюрер СС Раттенхубер² и, заложив руки за спину, стал дожидаться появления фюрера. А это означало, что местность, где будет прогуливаться рейхсканцлер, уже была тщательно проверена, а на всем протяжении пути расставлены посты (тщательно замаскированные разросшимися по обе стороны тропы кустами, они совершенно не были приметны снаружи).

Сюда же, на площадку перед замком, подошел генерал-лейтенант Шмундт³, с которым Адольф Гитлер любил беседовать во время прогулки, доктор Морель⁴, а также женщины, которые неизменно составляли ему компанию во время обеда. После обеда дамы удалялись в свои

¹ Ординарец Гитлера.

² Руководитель собственной службы имперской безопасности, отвечавший за безопасность высшего руководства Рейха.

³ Генерал-лейтенант Рудольф Шмундт — начальник управления сухопутных войск.

⁴ Доктор Теодор Морель — лейб-врач Гитлера.

комнаты, где переодевались в одежды, подходящие для длительной прогулки на свежем воздухе. В этот раз в прогулке кроме самой Евы Браун¹, которая неизменно сопровождала Гитлера, принимала участие миловидная Каструп² и молодая экстравагантная австрийка Шенеман. Невероятная спорщица, импульсивная, она забавляла фюрера своим неумным темпераментом. В жарком споре с ней он даже на короткое время забывал о неблагоприятной обстановке на Восточном фронте.

Вскоре Адольф Гитлер вышел из замка в сопровождении одного из своих адъютантов, державшего в руках тарелку с мясом и большой костью. Обычно в это время он всегда кормил Блонди, и собака, зная о заведенном ритуале и о щедрости хозяина, всегда выходила фюреру навстречу, слегка помахивая хвостом. Никто не имел права прикасаться к собаке, кроме Гитлера, и уж тем более кормить ее. Подошедшая Блонди в ожидании уставилась на хозяина. Погладив овчарку по холке, Гитлер приказал:

— Сидеть.

Блонди охотно исполнила команду и села перед Гитлером, буравя его умными выразительными глазами. Взяв небольшой кусок мяса, он протянул его собаке и проговорил:

¹ С 28.04.1945 г. жена Адольфа Гитлера.

² Близкая подруга Евы Браун.

— Ешь.

Бережно, с аристократической аккуратностью, псина взяла из рук рейхсканцлера кусок, не дотрагиваясь до ладони. И без всякой спешки зажевала.

Адольф Гитлер любил кормить собаку, столь нехитрая забота о животном доставляла ему несказанное удовольствие. В эти минуты с его лица не сходила доброжелательная улыбка, и сам он как будто бы становился на несколько лет моложе. Даже со стороны было заметно, что общение с собакой доставляет фюреру громадное удовольствие.

Блонди не выпрашивала еды — не скулила и не подпрыгивала, вела себя весьма достойно, просто выразительно смотрела на Гитлера и смиренно дожидалась очередной порции. Взяв следующий кусок мяса, Гитлер протянул его овчарке. Блонди не спешила его брать и умело делала вид, что свежайший кусок мяса ей совершенно неинтересен. И только когда Гитлер произнес: «Ешь», овчарка столь же бережно взяла мясо и энергично его зажевала, разрезая мякоть острыми зубами.

Скармливая собаке мясо, Гитлер то и дело нахваливал собаку, отмечая ее выдержку и воспитание, чем вызывал улыбки у стоявших неподалеку Гретль, сестры Евы Браун, и Шенеман.

Скормив все мясо, фюрер вновь погладил Блонди. На тарелке оставалась кость, любимое

лакомство Блонди. Вполне достойный приз за примерное поведение. Однако собака никак не показывала свое нетерпение, оставаясь столь же невозмутимой, как и ранее.

Адольф Гитлер взял кость и некоторое время держал ее перед мордой собаки, проверяя ее выдержку. Блонди, глянув на хозяина, едва махнула хвостом, после чего демонстративно отвернулась.

— У нее прекрасное воспитание, — произнесла вышедшая из дома Ева Браун. — Она ничего не возьмет без спроса.

Погладив собаку по холке, Гитлер протянул ей кость, и овчарка осторожно вытянула ее из ладони хозяина, после чего отошла в сторону, легла на траву и, прижав кость лапами, принялась ее грызть.

Традиционная процедура кормления овчарки была завершена. Подошедший ординарец протянул фюреру фуражку с альпийской палкой. У фюрера было три любимых альпенштока. Два из них были в длину около двух метров, имеющих на конце стальные наконечники. Гитлер использовал их в том случае, когда намеревался совершить восхождение на гору. Третья альпийская палка была значительно короче, снабженная темляком. Она служила именно для таких неторопливых прогулок по склону.

В этот раз в компанию Гитлеру влился полковник Николаус фон Белов, служивший при Гитлере адъютантом от авиации. На прогулку

с Гитлером напрашивался генерал-полковник Эберхард фон Макензен, командующий четырнадцатой армией. Но Линге, отвечавший за благостное расположение фюрера, отказал, объяснив, что генерал может высказать свою точку зрения о происходящем на фронте на ближайшем вечернем совещании.

В последнее время дела генерал-полковника складывались не самым лучшим образом. В прошлом году он был назначен командующим четырнадцатой армией, располагавшейся в Италии, в которой когда-то начинал войну начальником штаба. В настоящее время американо-британские войска усиленно штурмовали линию Густава. Оборона прогибалась и растягивалась, наконец была прорвана, и через бреши на север, в сторону Рима, устремились американо-британские войска.

Генерал-полковник Эберхард фон Макензен уже не однажды писал в Генеральный штаб оперативные записки о том, что если не поступит пополнения в ближайшее время, то не останется возможности удерживать занятые позиции. И вот сейчас командующий четырнадцатой армией, не дожидаясь приглашения, решил приехать в Оберхоф лично, чтобы рассказать Гитлеру правду о военной обстановке, сложившейся на территории Италии.

Рейхсканцлер не желал его принимать, считая, что в такое трудное время командующий

должен находиться со своими войсками, и его надежда увидеть фюрера на вечернем заседании была крайне призрачна. Самое большее, на что он может рассчитывать, так это переговорить с командующим сухопутными войсками.

Но генерал-полковник был настолько толстокож, что не замечал вокруг себя безмолвного пространства. Похоже, что в связи с наступлением американско-британских войск он вообще не желал ничего замечать.

Возможно, появление Эберхарда фон Макензена в Оберхофе связано с личными обстоятельствами: генерал-полковник как-то хотел отсрочить свою близкую отставку, на чем настаивал Рудольф Шмундт, дважды заявляя на совещании о его неудачном командовании. Последнее слово оставалось за Гитлером, но фюрер по какой-то неведомой причине медлил, полагая, что ситуация в Италии еще как-то может улучшиться.

По широкой лестнице Адольф Гитлер вместе с сопровождающими направился к каменистой тропе, которая вела к выступу скалы, на которой размещался павильон «Моослендеркопф». Фюрер нередко использовал двадцатиминутную прогулку, чтобы обсудить с начальником управления сухопутных войск некоторые вопросы предстоящего совещания. На фронте наступило некоторое затишье, велась позиционная война. Вызывал беспокойство Крымский полуостров, где русским войскам удалось прорвать оборону

на Перекопском перешейке южнее Сиваша. Если ситуация будет и далее усугубляться, то у русских появится возможность вывести на оперативный простор танковый корпус.

Позади них, о чем-то переговариваясь, следовали Раттенхубер, начальник полицейской команды Хэгл и Линге. Ева Браун с фотографом Хофманом¹ и оператором Францем² замыкали группу. Из обрывков разговора было понятно, что Генрих Хофман не мог нарадоваться ясной погоде, ожидая, что снимет фюрера на фоне горных хребтов. Фотографирование у Хофманов было семейным делом, его отец имел собственное ателье и среди его клиентов были высокопоставленные особы и даже члены королевских фамилий. Он любил рассказывать о том, что однажды в молодости ассистировал в Висбаденском замке придворному фотографу Томасу Фойгту на фотосессии кайзера Вильгельма Второго³ по случаю его встречи с русским императором Николаем Вторым. Еще тогда он отметил, что глаза императора Николая Второго полны трагической грусти.

С Адольфом Гитлером фотограф Генрих Хофман познакомился еще в Мюнхене около сорока

¹ Генрих Хофман — близкий друг Адольфа Гитлера, его личный фотограф.

² Франц Вальтер — личный фотограф Гитлера; кинооператор и режиссер, продюсер.

³ Вильгельм Второй — последний германский император и король Пруссии.

лет назад, где они сблизились на поприще любви к художественному искусству. Оба мечтали стать художниками, однако не сложилось у обоих, хотя Генрих Хофман в отличие от Гитлера успел отучиться в художественной академии пару лет.

За время их знакомства Генрих Хофман запечатлел Гитлера на сотнях пленок и пластинок, лучшие фотографии из которых появлялись в дорогих альбомах; плакаты с его изображением были развешены на зданиях и в учреждениях. В Гитлера влюблялись сотни тысяч женщин Третьего рейха, увидев в нем мужчину своих девичьих грез, но по-настоящему фюрера никто не знал даже из самого ближнего его окружения. Для них он был фюрер и рейхсканцлер, для него — мечтательный юноша, бредивший о карьере художника, с которым он едва ли не ежедневно пил пиво и ел мюнхенские сосиски. Именно общее юношеское прошлое позволяло ему называть фюрера по имени.

Неожиданно Гитлер остановился и посмотрел на генерал-лейтенанта Шмундта. Начальник управления сухопутных войск приосанился и, слегка приподняв подбородок, посмотрел прямо в глаза Гитлеру. Выдержать пристальный взгляд фюрера было непросто, требовалась немалая внутренняя мобилизация, чтобы ни голосом, ни движением не выдать душевного трепета, охватившего его в эту минуту.

— Во всех войнах наши солдаты больше привыкли наступать, чем обороняться. А в нынеш-

ней войне мы не думали, что нам придется переходить к обороне. Однако пришлось... Наша задача заключается в том, чтобы удержать занятые территории во что бы то ни стало, — твердо произнес Адольф Гитлер.

— Мой фюрер, наши солдаты сделают все возможное, чтобы не только остаться на прежних позициях, но и перейти в ближайшее время в наступление.

— Это наши временные трудности. Я ни на миг не сомневаюсь в том, что мы пойдем дальше... В сорок первом русским удалось оттеснить наши войска под Москвой. Но нам удалось сдержать их наступление на довольно слабых опорных пунктах, усиленных лишь дотами. Они теряли живую силу, вооружение, технику, но не могли пройти дальше. Вспомните Демянск и Холм... Наши гарнизоны были полностью окружены, русские уже торжествовали победу, но сломить дух наших доблестных солдат им так и не удалось. Наши части прорвали кольцо и сумели удержать города... Но русские постоянно совершенствуются, сейчас их войска сражаются значительно лучше, чем в самом начале войны. Вы помните, что стало с нашими гарнизонами в Великих Луках и Погорелом Городище? — неожиданно спросил Адольф Гитлер.

— Гарнизоны оказались в окружении и, к сожалению, были разбиты, — отвечал генерал-лейтенант.

— А все потому, что они не придавали должного значения обороне. А в последние месяцы войска русских проявляют особую наступательную настырность. Мы должны любой ценой остановить русских. Для этого у нас есть все: передовая техника, отличное вооружение и, конечно же, наши доблестные солдаты, которые умеют прекрасно воевать... Чтобы воевать еще более успешно, мы должны будем усилить наши территории хорошо укрепленными опорными пунктами. Особое значение нужно будет уделять большим узловым центрам. Такие опорные пункты должны быть на каждой железной дороге, на каждом шоссе. На пересечении магистралей следует создать укрепленные опорные пункты с гарнизонами, складами вооружения и продовольствия, чтобы они могли как можно дольше противостоять русским. Оттянуть на себя их значительные силы, обескровить их и остановить наступление. Таких гарнизонов и опорных пунктов с полевыми укреплениями должно быть много. Войска русских должны увязнуть в нашей обороне. А когда это произойдет, то мы перейдем в наступление. Не будет ничего страшного, если наши гарнизоны окажутся временно в окружении, снабжать необходимым вооружением и продовольствием, а также производить эвакуацию раненых мы станем по воздуху. У нас лучшие летчики! Такая задача для них вполне по силам. Наше упрство сумеет помешать снабже-

нию атакующих частей русских, а гарнизоны, превратившиеся в крепости, оттянут на себя значительные их силы, чем еще больше затруднят их дальнейшее продвижение вглубь нашей территории. А когда войска русских будут истощены и обескровлены, то мы деблокируем все наши опорные пункты и перейдем в контрнаступление. Сегодня же на совещании мы обсудим более подробно новую стратегическую задачу. Надеюсь, что мне не придется спорить и мое предложение найдет поддержку у генералитета.

— Мой фюрер, вы предлагаете начать строительство опорных пунктов по всей территории сразу?

— Разумеется. Было бы лучше проводить строительные оборонительные работы по всем областям сразу, но в настоящее время у нас не найдется столько ресурсов. Я бы предложил начать построение опорных пунктов в Белоруссии, на пути вероятного наступления Красной Армии. И приступить к этому проекту следует сегодня же!

Сопровождающие фюрера также остановились, образовав две небольшие, оживленно разговаривающие группы. Никто не смел пройти вперед раньше фюрера, и все терпеливо дожидались, когда он пойдет дальше. Ева что-то энергично рассказывала Гофману, и тот, слегка наклонив голову, с интересом внимал возлюбленной Гитлера.

Жестковатые губы Гитлера заметно размякли, как только он перевел взгляд на свою подругу.

В этот момент он выглядел значительно моложе, в потускневших глазах появился юношеский блеск. А ведь именно Гофман познакомил его с Евой Браун, устроившейся ученицей в его ателье. В тот памятный вечер, случившийся пятнадцать лет назад, Гофман представил его как господина Вольфа. Но что-то подсказывало Гитлеру, что она сразу догадалась, кто он был на самом деле. Ведь первые портреты, появившиеся сразу после пивного путча, были сделаны именно в фотоателье Гофмана. Позже Адольфа Гитлера снимали и другие фотографы, но никто из них не удостоивался чести снимать его с близкого расстояния.

— Что ж, давайте перенесем нашу дискуссию на вечернее совещание, — заключил фюрер и, заложив руки за спину, уверенным и твердым шагом направился по тропе.

Павильон «Моосхендеркопф», построенный на самом выступе скалы, имел полукруглый фасад с большими окнами. С него открывался великолепный вид на близлежащие горы. Оперевшись на перила, Гитлер любил смотреть на горные вершины — зимой занесенные снегом, а вот летом радующие глаз, приодетые в свежую сочную зелень.

Адольф Гитлер подошел к скамейке, стоявшей подле ограждений павильона, и присел, откинувшись на спинку. Стараясь не показать сопровождающим скверного расположения духа,

он едва улыбался, поглядывая на горы. Было заметно прохладно, Николаус фон Белов зябко пожегся, а Ева Браун накинула на плечи пуловер и потирала ладонями озябшие плечи.

Из павильона стремительно выбежали два черных шотландских терьера и устремились к сидящему на скамье Гитлеру. Сумрак, покрывший на какое-то время его лицо, отступил, теперь он выглядел именно таким, каким Ева увидела его во время их первой встречи.

— Ах вы, сорванцы! — вырвалось у Евы. — Бегут не к своей хозяйке, а к фюреру. Негус, Стаси, ну как вам не стыдно! Чего же вы хозяйку обижаете? — делано рассердилась женщина, сияя от счастья.

Настроение Гитлера сменилось на радужное, что не могло ее не радовать. В последние дни фюрер пребывал в скверном настроении, и требовалось немало усилий, чтобы как-то его подбодрить. На каждый ужин Ева старалась приглашать интересных людей, которые могли бы приободрить фюрера. Даже в обществе фрау Шенеман, известной своим венским темпераментом, способным расшевелить кого угодно, он оставался сумрачным, уходил куда-то глубоко в свои невеселые думы.

Шотландские терьеры доверчиво вертелись у ног рейхсканцлера, и он, явно получая удовольствие от такого непосредственного общения, поглаживал их курчавые спины.

— Получится замечательная фотография! — восторженно проговорила женщина. — Генрих, — обратилась она к Хофману, стоящему немного в стороне и о чем-то разговаривающему с Линге, — сфотографируйте, пожалуйста, фюрера вместе с терьерами.

Неожиданно Адольф Гитлер помрачнел и порывисто поднялся:

— Не нужно снимать. — Увидев потускневшее лицо Евы, осознавая, что сказанным причинил ей боль, примиряющим тоном продолжил: — Крупный государственный деятель не должен фотографироваться с маленькими собаками, это выглядит смешно. Если ты желаешь, так я могу сфотографироваться с Блонди. А давай лучше сфотографируемся вместе, ты будешь с Негусом, а я с Блонди.

Хорошенькое личико Евы вновь осветилось радостью. В сущности, как мало нужно для женщины, чтобы сделать ее счастливой: подобрать правильные слова, и она позабудет о недавней колкости.

— Это будет очень хорошая фотография, — заулыбалась Ева. — Иди ко мне, мой непослушный, — проговорила женщина, пристегнув к ошейнику собаки тонкий кожаный поводок.

Адольф Гитлер подозвал к себе Блонди, которая охотно, очевидно, рассчитывая на угощение, подбежала к хозяину. Гитлер потянул за поводок собаку и подошел к Еве.

— Генрих, сфотографируй нас на фоне гор.

— С удовольствием, сейчас очень хорошее солнце для снимка, — настраивая выдержку, проговорил Хофман. Ошибиться не хотелось. К своему внешнему виду Гитлер относился очень требовательно и заставлял фотографов удалять снимки, с его точки зрения, неудачные.

— А теперь улыбнитесь и не забывайте, что у вас впереди много счастливых дней!

Окончательно расслабляясь, позабыв о том, что его тревожило каких-то пятнадцать минут назад, Адольф Гитлер разлепил губы в сдержанной улыбке.

Прогулка к павильону обычно завершалась чашкой крепкого кофе с яблочным штруделем, до которого Гитлер был весьма охоч. Снаружи со смотровой площадки через большие стекла павильона можно было наблюдать, как внутри павильона ординарцы расстилают на столах белоснежные скатерти. В центр стола неизменно ставилась ваза с цветами, подле тарелок укладывались столовые приборы.

Поддавшись на уговоры Евы, Гитлер не спешил заходить в уютный теплый павильон, заполненный светом, и продолжал позировать Гофману, выбиравшему наиболее выигрышный ракурс.

Настроение у присутствующих было приподнятое. Во всяком случае, не каждый день можно было увидеть фюрера в столь благожелательном настроении. Неожиданно Гитлер подозвал к себе